Евгений РУМЯНЦЕВ**АЛЕКСАНДР ЕГУНОВ И ЕГО КОМАНДА**

Личность Александра Николаевича Егунова, известного российско-го экономиста и правоведа, неотделима от истории бессарабского общества, от бессарабской культуры. Он от нее. Без него ее содержание не будет полным.

Он появился на свет 6 октября 1824 г. в семье Николая Андреевича Егунова, небогатого хотинского чиновника, только что сменившего мундир подпоручика Крымского пехотного полка на сюртук заседателя земского суда. Мать его Юлия Антоновна Вирановская происходила из дворянской фамилии. Это она взяла на себя домашнее воспитание сына, не доверив это деликатное дело отцу, отличавшемуся на редкость беспокойным характером. Из-за своего неуживчивого нрава отец был очень неудачлив в статской службе, часто переезжал и закончил свою карьеру в должности яского земского начальника, так и не поднявшись выше чина губернского секретаря.

Отрочество Егунова-младшего прошло в стенах Кишиневской мужской гимназии, которую он окончил с блестящими результатами в 1841 г. А вот молодость он провел уже вдалеке от Бессарабии, в Московском университете на юридическом факультете. Студентом университета ему помогло стать бессарабское дворянство, назначив ему стипендию на все время учебного курса. Летом 1848 г. он уверенно завершает университетский курс и, поблагодарив профессоров за науку и степень кандидата прав, уходит в самостоятельную, взрослую жизнь.

По существовавшему тогда в империи положению Егунов должен был вернуться в Бессарабию отрабатывать в местных присутственных местах дворянскую стипендию. Но судьба распорядилась иначе.

Читаем один документ:

«Кандидат прав дешznego университета г. Егунов обратился ко мне с просьбою об определении его во вверенный моему управлению Московский главный архив Министерства иностранных дел. При всем желании моем принять его в число чиновников архива я не мог этого сделать именно потому, что, как уже известно Вашему Превосходительству из письма г. Егунова, он воспитывался за счет бессарабского дворянства и что вследствие этого обязан прослужить шесть лет в Новороссийском крае, не стесняясь впрочем ни мало выбором службы. Тем не менее, зная занятия г. Егунова по части русской истории, надеясь иметь в нем и полезного чиновника, и, в частности, предста-

вителя языка, родного Вашему Превосходительству, языка, на котором так много в архиве актов, относящихся к истории нашего Юга и, по недостатку людей, остающихся нетронутыми, я осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшей просьбой – исходатайствовать г. Егунову у бессарабского дворянства дозволения отслуживать свои годы вместо Новороссийского края в Москве и прислать это дозволение ко мне, дабы я мог представить его вместе с бумагами Егунова высшему начальству.

Я знаю, Ваше Превосходительство, что бессарабскому дворянству жаль будет расстаться с таким чиновником, как г. Егунов; знаю, потому что просьба несколько смела, но я убежден, что г. Егунов, служа в Москве, принесет своими трудами в деле науки более пользы и тому краю, который воспитал его, что следовательно честь, которую дворянство предоставило ему воспитанием на свой счет, будет и здесь вполне вознаграждена честью его служения. Надеюсь, что и Ваше Превосходительство разделите со мной это убеждение и потому не оставьте моей просьбы без внимания»¹.

Это письмо директора Московского Главного архива Министерства иностранных дел князя К.М.Оболенского предводителю бессарабского дворянства И.М. Стурдзе, помеченное июлем 1848 г. Письмо князя польстило Ивану Михайловичу, и он выхлопотал молодому специалисту разрешение начать службу в Москве.

Есть предположение, что своеобразной рекомендацией, обеспечившей Егунову высокое покровительство директора архива, была подготовленная им небольшая работа «Взгляд на торговлю древнейшей Руси». Автор обращался к истории торгового пути варягов на Константинополь через поселения юго-западных племен угличей и тиверцев. Знакомые Егунову места, бессарабские. Публикация статьи состоялась чуть позже, в 8-м и 9-м номерах некрасовского «Современника».

Статья стала судьбоносной. После ее появления в печати Егунова пригласили в Петербург. Начальник городских отделений Хозяйственного департамента МВД Н.А. Милютин имел с ним длительную беседу и уговорил его заняться аналитическими обзорами поступавших в департамент из провинции статистических сведений. В 1850 г. он выпускает «Обзор действий департамента сельского хозяйства в течение 5 лет, с 1844 по 1849». Примерно в это же время появляется «Всеподданнейший отчет министра внутренних дел за первое 25-летие царствование императора Николая I», в котором Егунов выступал одним из ведущих исполнителей.

В эти годы он много и вдохновенно сотрудничает с Н.А. Некрасовым. Готовит для «Современника» библиографические обзоры, редак-

тирует тексты, держит корректуры. Журнал слыл в обществе оплотом свободомыслия и критических по отношению к престолу настроений.

Петербургский климат причинял южанину-бессарабцу немало огорчений. Зато в остальном судьба явно шла ему навстречу. Провинциальный паренек, обладавший живым характером и завидным трудолюбием, освоился в коридорах власти довольно быстро. Петербург оказался прекрасной питательной средой для его любознательности. Появились собеседники, приятели, полезные знакомства. Появились связи. Общение с министерскими эрудитами, людьми из творческого круга, обилие самой разнообразной информации для размышлений – все это помогло Егунову сформироваться в знатока, уверенно разбиравшегося во многих особенностях жизни Государства Российского. И не только. О том, что творилось в Европе, в Петербурге узнавали первыми. Здесь он избавился от провинциальной робости, которая так мешает людям из глубинки пробиваться к достойному положению в обществе.

В Бессарабии Егунов появился в очень нужный для нее момент и в очень нужном для нее месте: в Бессарабском статистическом комитете. Кончался 1861 год. Страна жила шумной государственной перестройкой, развернутой императором. Бессарабия хоть и была окраиной, но в полной мере ощутила на себе всю напряженность этого времени. Одним из первых в полосу реформирования как раз попал БСК.

Первое заседание комитета состоялось 5 февраля 1862 г. На нем Александру Николаевичу было предложено стать секретарем комитета. Он согласился, выговорив себе, однако, право называться не секретарем, а управляющим комитетскими делами. И здесь он проявил свой самостоятельный характер.

Назвать первое заседание БСК первым можно лишь весьма условно. Комитет был учрежден давно, еще в 1835 г., когда подобные комитеты появлялись по всей империи. Инициатива, как водится, была высочайшей, указ подготовил сенат, курировало проект Министерство внутренних дел. О Бессарабии тоже не забыли, мало того, здесь появился еще один комитет - Измаильский. Сделано это было в рамках высочайше утвержденного положения «Об учреждении статистических комитетов в Николаеве, Севастополе и градоначальствах: Измаильском, Таганрогском, Одесском и Керчь-Еникальском» от 17 сентября 1835 г. Это были портовые города с оживленной коммерческой жизнью, которые «заслуживают особенного исследования в статистическом отношении»². Измаильский комитет так и остался особенным, в БСК его не вспоминали: хватало своей головной боли.

Петербургская администрация затевала решительное наступление на собственную неосведомленность. А.И. Герцен, уже «разбуженный»

декабристами и по этому случаю находившийся в ссылке в Вятке, об этом времени вспоминает так: «Министерство внутренних дел было тогда в припадке статистики: оно велело везде завести комитеты и разослало такие программы, которые вряд ли возможны были бы где-нибудь в Бельгии или Швейцарии; при этом всякие вычурные таблицы с *maximum* и *minimum*, с средними числами и разными выводами из десятилетних сложностей (составленными по сведениям, которые за год перед тем не собирались) с нравственными отметками и метеорологическими замечаниями. На комитет и на соби́рание сведений не назначалось ни копейки, все следовало делать из любви к статистике, через земскую полицию и приводить в порядок в губернаторской канцелярии. Канцелярия, заваленная делами, земская полиция, ненавидящая все мирные и теоретические занятия, смотрела на комитет как на ненужную роскошь, как на министерскую шалость, однако отчеты надобно было представить с таблицами и выводами. Это дело казалось безмерно трудным всей канцелярии; оно было просто невозможно; но на это никто не обратил внимания, хлопотали о том, чтоб не было выговора»³.

Видимо, не стоит во всем соглашаться с революционным демократом. Комитеты все-таки делали свое дело, делали через «безмерно трудно» и через «невозможно». Посылали в Петербург таблицы, наполненные отчетной цифирью, готовили сведения для всеподданнейших докладов начальников губерний. Но на «должную» высоту не поднялись. Поднимать было некому. Состояли они из штатных чиновников губернских присутственных мест, которых от дел по основной службе не освобождали и каким-либо дополнением к жалованью не баловали. В Положении о комитетах предписывалось приглашать членов-корреспондентов, людей со стороны. Но с этим делом не спешили: не очень-то хотела чиновничья корпорация посвящать посторонних в свои секреты, слишком многое в их отчетах не соответствовало действительности.

Статистика, знающая все, не получилась. Просто статистика, пожалуй, тоже. Зато родился и укрепился новый вид канцелярской деятельности: «сочинять статистику». У российской бюрократии нет права обижаться на кого-либо за конфуз в Крымской кампании.

Комитет образца 1861 г. родился как бы заново.

На сей раз в МВД по поводу государственной статистики проявляли большое беспокойство и отступать от задуманного не хотели. А что именно было задумано, оказалось изложенным в «Положении о губернских и областных статистических комитетах», введенном в действие 8 апреля 1861 г. министром внутренних дел С. Ланским.

«Главное назначение сих комитетов, - говорится в этом документе,

- состоит в исправном содержании местной административной статистики, а именно: в установлении по каждой губернии или области правильнейших способов собирания, по требованиям правительства и указаниям ЦСК, точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселения и производительных силах губернии или области, и в проверке и обработке этих сведений, по однообразным формам, устанавливаемым министерством»⁴.

Далее определялось, как должна была выглядеть комитетская продукция:

- статистические таблицы для Центрального СК,
- статистические ведомости для всеподданнейшего отчета губернатора,
- статистические таблицы о земских повинностях.

И всего-то. Но сколько грохотало вокруг этого «всего-то» суждений и споров, сколько было сломано копий и служебных карьер, сколько пролито чиновничьего пота и казенных чернил. Немерено. Страна с натугой познавала самую себя.

«Положение», разумеется, можно было написать и лучше. Но и этот вариант был вполне приемлемым: он точно определил место комитета в общественном пространстве и правила предстоящей игры.

Бессарабский военный губернатор Михаил Львович Фонтон де Веррайон, прослышав, что Егунов в Кишиневе налаживает адвокатскую практику, удовлетворенно потирал руки: он уже понял, кого должен поставить в секретари БСК. «Положение» требовало от него подбирать в секретари «преимущественно из лиц, имеющих ученые степени или, по крайней мере, окончивших полный курс наук в высших учебных заведениях»⁵. Хорошо им в Петербурге указывать. А вот в Кишиневе своей Сорбонны нет.

Егунов показался губернатору даром божьим. «Столичная штучка», со связями и покровителями. Вежлив и несуетлив. Начитан, прямо-таки ходячий энциклопедический лексикон. И в то же время давний-давний должник бессарабского дворянства.

Итак, на первое заседание собрались зимой, 6 февраля 1862 г.

Поначалу выступил губернатор. Потом говорил Егунов. Его речь внесла в сознание присутствующих успокоение: человек дело знает, на него можно держать равнение. Так обозначился флагман.

Теперь о его команде. Весь личный состав БСК состоял из непрерывных и действительных членов. Первые пришли в комитет по распоряжению губернатора. Их присутствие здесь было обязательным. В эту обойму входили вице-губернатор, председатели казенной палаты и палаты государственных имуществ, предводитель губернского дворянства, представители духовенства. Председательствовал в комитете сам начальник губернии.

В отличие от непременных членов, которые пришли в комитет кучно, одновременно, действительные члены собирались не сразу. Это были волонтеры, их нужно было подбирать, уговаривать, организовывать. Просто скучающий люд не подходил, предполагалось, что действительный член должен был действовать. Подходили лица, «могущие своими познаниями и опытностью принести пользу комитету и изыскующие готовность участвовать в занятиях его личными трудами»⁶.

Был еще корпус почетных членов. В «Положении» его тоже не забыли отметить. Почетных членов предлагали избирать «из лиц, принадлежащих губернии или области по своему рождению или воспитанию или владеющих в них недвижимым имуществом и приобревших известность своими учеными статистическими трудами или сделавших особенно значительные денежные пожертвования для статистических целей по губернии или области»⁷. Егунов разгадывать эту шараду не стал. И мелочиться не стал, предложил ввести в комитет людей с административного олимпа: статс-секретарей А.В. Головнина, К.К. Грота, А.П. Заблоцкого-Десятовского, М.Х. Рейтерна, директора Московского Главного архива МИД М.А. Оболенского, а также самого хозяина МВД графа П.А. Валуева. Вполне разумная инициатива: возможно, кто-то из них пожелает стать «ангелом-хранителем» бессарабских статистиков. Егунов очень рассчитывал на поддержку А.Г. Тройницкого, только что занявшего кресло товарища министра внутренних дел. Свой человек, одессит, статистик от бога, уж он-то в любой ситуации не растеряется. И действительно, Тройницкий охотно потом общался с кишиневцами.

Схема расстановки сил в комитете складывалась прогрессивная: единство противоположностей. С одной стороны – непременные члены, властные и хорошо информированные. С другой – действительные члены – независимые, агрессивные. Именно с этими можно будет изгонять из губернской статистики сочинителей и сочинительство, выводя таким образом бессарабскую отчетность из критического состояния.

Несколько первых занятий носило инспекционный характер. Знакомились с практикой местной статистики, с общими принципами и с деталями. Оказалось, что статистика сия полна загадок.

Судя по документам, в бессарабских еврейских семьях вот уже много лет подряд рождаются только мальчики. Однако небольшая экскурсия в еврейские кварталы удивляла большим количеством неизвестно откуда взявшихся еврейских девочек. Смущенный раввин разводил руками: «По закону предков...»

Или взять хотя бы Кишинев, который каждодневно был перед глазами начальства.

В отчетах утверждалось, что из 42 тыс. его жителей 27 тыс., т.е. больше половины, давно уже числятся временно отсутствующими, и за это время никто из них домой не вернулся. И почему ополовиненный город на деле выглядит таким шумным и многолюдным?

Хватало бестолковости и самовольства в сведениях о землевладениях, почтовых станциях, о владельческих и государственных лесах. К ответам на большинство вопросов хозяйственной статистики почему-то так и не приступили.

Перспективы деятельности БСК принимали ясные очертания. Похоже, ему была уготована судьба скромного комитета общественного контроля. По крайней мере, его действительных членов ждала именно такая участь.

Но все получилось по-другому: и сама жизнь комитета, и разговоры в нем, разгораясь все жарче и жарче, покатались в другом направлении.

На четвертом заседании комитета 11 августа 1862 г. Егунов попросил слова. Через минуту в зале воцарилось внимание, уже никто не прихоразывал и не отпускал острот, как это было на предыдущих заседаниях. Речь шла о смерти. Егунов рассказывал о детской смертности, особенно высокой среди новорожденных младенцев. О столь же высокой смертности среди молодых рожениц. Это тоже была статистика. Вдвое больше... Втрое выше... Уезд Оргеевский... Город Аккерман... Но не о ней уже думали члены комитета. Не о том, насколько она точна, подробна, обстоятельна. Не о том. Их оглушило ощущение беды. Бог с ней, со статистикой. Спасибо ей, что глаза открыла. А вот как с бедой-то управиться? Что делать дальше?

Дальше, по положению, им можно было ничего не делать. Царь их призвал фиксировать и уведомлять, перепроверять и снова уведомлять. Но вот в этом моменте члены комитета, не сговариваясь и не размышляя долго, с положением не согласились. Тема жизни и смерти из комитета не ушла, стала рабочей. В БСК решили провести акцию, неслыханную доселе в Бессарабии: они объявили конкурс на «лучшее разрешение задачи о мерах к сохранению жизни детей». Как понимаете, это действие отстояло уже далеко от формальной статистики.

Обсуждение вопроса о детской и материнской смертности стало своеобразным Рубиконом, через который перешел БСК. Именно с этого момента комитет, не меняя названия, делает решительный шаг из пространства, которое отвело ему правительство. Из пространства, принадлежащего исключительно статистике, ее бытованию, совершенствованию и развитию. Он становится поприщем для мозговых атак, широкого обсуждения проблем, решения которых с нетерпением ждала земля, на которой по воле судеб им выпало жить.

Думается, этот пассаж с Рубиконом не был случаен. К тому времени Егунов состоял уже членом Императорского Вольного экономического общества и сознавал себя убежденным его патриотом. Он будет состоять там до конца дней своих, к его мнению там будут прислушиваться, его изберут товарищем председателя отдела политической экономии и сельскохозяйственной статистики. Под его редакцией и при его участии составлялось ходатайство общества о необходимости изменения российских таможенных тарифов. Он сознательно разделял устремления общества и, где бы ни служил, везде чувствовал себя его полпредом.

Тогда, в 1862 г., он смотрел на своих сотоварищей как стратег, который полон намерений увести их от банальных услуг общественных контролеров к материям более значительным и высоким. Он полагал заложить здесь основы своего Вольного экономического общества. Пусть небольшого, пусть без звучных имен, но серьезного и наступательного. А звучные имена – дело наживное.

Ну что же, большому кораблю – большое плавание. Кстати, об этом Егунов никому не обмолвился ни словом.

Было ли это плавание большим - определенно сказать трудно. Попробуем составить список тем, о которых велись дискуссии на комитетских заседаниях:

- о преобразовании городского самоуправления;
- о возможности замены пешей пересылки арестантов конной;
- о развитии почтовой сети;
- о замене почтовой пересылки денег трансфертами на уездные казначейства;
- о понижении внешнеторговых таможенных тарифов;
- о борьбе с кражами крупного рогатого скота и лошадей;
- о создании в Бессарабии телеграфной сети;
- о мерах по улучшению сбыта зерна;
- о развитии мериносового овцеводства;
- о пересмотре акцизных сборов на табак.

Неплохо. Прямо парламент какой-то, а не кружок кишиневских активистов. Назвать случайными или надуманными представленные в этом списке проблемы не поворачивается язык. Все в нем без исключения было чрезвычайно злободневно. Это был список недомоганий не только бессарабской экономики, но и всего ее общественного устройства.

Особенно громким и раскатистым оказалось обсуждение проекта железной дороги. Это был звездный час и Егунова, и губернатора, и всего БСК. Виртуозную работу проделал Алексей Васильевич Новогородцев, отставной генерал, военный инженер, скрупулезно проработавший маршрут предполагаемой железнодорожной линии. Экономии

ческие расчеты делал сам Егунов. Он же защищал проект. Событие это было для Бессарабии неординарным. Оно вызвало бурные пересуды. БСК выпустил брошюру «О направлении Одесско-Лембергской железной дороги» (1863). Дорогу через некоторое время действительно построили, правда, пошла она в другом направлении. Но здесь уже вмешались военно-стратегические соображения.

Надо сказать, что гром победы для бессарабских цивилизаторов раздавался не часто. До победы нужно было шагать и шагать. У местной администрации не хватало власти, чтобы самостоятельно воплощать предложения комитета. Комитет выступал прежде всего как генератор идей для общественного мнения. Все, что рождалось в нем, было конструктивным, основанным на глубоких экономических знаниях, не погружалось в нигилизм.

Отношения с центральной властью были сложными. Егунов сетовал: «Не раз приходилось слышать вопрос: зачем наша статистика вмешивается во всевозможные дела, до нее по видимому не относящиеся?»

Зачем вмешивалась? Совесть так велела. Петербургское начальство их поругивало, но в то же время безбожно воровало их идеи. Хватало сложностей и у себя в губернии. Обсуждение вопросов нередко сопровождалось полемической остротой, задевавшей конкретных лиц и честь их мундира. Полиция обижалась за обвинения в нерадивости и некомпетентности. Таможенники и пограничники – за потворство контрабандистам. Городские самоуправления - за неразбериху в отчетах. Сорокские конокрады - за жестокие, прямо-таки средневековые меры, которые грозился применить к ним БСК.

Но вопреки всем обидам, о комитете шла добрая молва. А.Г. Тройницкий, по своему высокому положению хорошо знавший состояние дел в российской государственной статистике, даже утверждал, что Бессарабский статистический комитет вполне обоснованно можно назвать лучшим в империи. После того как Егунову удалось пробить проведение двух Одесских статистических съездов, с петербургским сановником стали соглашаться многие.

Снова о команде. В дошедший до наших дней оригинал списка членов комитета на 1866 г.⁸ внесено 119 фамилий. Народ разный: чиновники покрупней, чиновники поменьше, петербургские тяжеловесы, дворянские функционеры, много помещиков, военные, осевшие после отставки на здешнем черноземе, много учителей, священники самые разные всех здешних конфессий, врачи. Простого люда и женщин не было. Никто из комитета уйти не захотел, разве что была к этому большая причина: переезд в другие места или кончина.

Сохранился еще один список: «Список лиц, которые могут быть приглашены к статистическому описанию Бессарабии в хозяйственном отношении»⁹, и тоже длинный. Он в основном состоял из помещиков-

вотчинников коренного населения, которые хорошо знали свои места.

Из состава комитета сразу же стала складываться группа, которую генерал Новгородцев назвал гвардией. Они выделялись деловитостью и содержательностью, это были хозяйственные и отзывчивые люди.

С директором Кишиневской мужской гимназии Кириллом Петровичем Яновским Егунов затеял славное дело: соединить воедино четыре кишиневских библиотеки – городскую, гимназическую, семинарскую и комитетскую. Получался хороший книжный фонд в двадцать тысяч томов. Архиепиеей Антоний поначалу их поддерживал, но потом из-за ведомственных несогласий проект развалился. Но городскую и комитетскую они все-таки сумели соединить. Кирилл Петрович был авторитетным человеком, у него удачно сложилась карьера. После Кишинева он стал попечителем Кавказского учебного округа, к концу карьеры получил назначение в Государственный Совет. А еще Яновского можно считать основоположником исторических исследований в Бессарабии. БСК поручил ему собрать материалы о прошлом края, опубликованные в различных журналах. Он привлек к этому делу преподавателей, гимназистов и даже тайного советника А.Г. Тройницкого. В своих «Воспоминаниях и мыслях», опубликованных в «Русском вестнике» 1902-1903 гг., он рассказал и о бессарабском периоде своей жизни.

У Александра Давидовича Денгинка была редкая профессия: ученый садовник. Просто садовников в Бессарабии было много. Ученых – один, Александр Давидович. В 1842 г. он основал Бессарабское училище садоводства, первое в Новороссийском крае, подготовившее немало специалистов не только для хозяйств своей области, но и для всей Новороссии. Училище неоднократно участвовало в престижных выставках за границей. Александр Давидович тоже стал престижным человеком, членом российских и зарубежных научных обществ. В 1864 г. в комитет пришла весть, что Московское императорское общество сельского хозяйства ходатайствует перед государем о награждении Денгинка золотой медалью. В 1879 г. он становится членом-корреспондентом Российской академии наук. В общении он был простым и безотказным человеком. Поскольку он все знал о бессарабском климате и растительности, его постоянно использовали при составлении сельскохозяйственных прогнозов. В этом смысле он был в БСК незаменим.

Еще одним несомненно полезным для комитета человеком оказался военный инженер, генерал-майор в отставке Алексей Васильевич Новгородцев. Профессию топографа он начал осваивать в 17 лет в Константиновском межевом институте. В 1852 г. его командировали в Бессарабскую область «для наблюдений за преобразованием межевой части». Здесь он женился на богатой вдовой молдаванке, энергич-

но занимался большим хозяйством, в Кишиневе учредил благотворительное Александро-Невское братство. Без Алексея Васильевича не обходилось ни одно сколько-нибудь значительное дворянское мероприятие. БСК трудно представить без серьезного и трудолюбивого генерала, он был надежным экспертом в землемерных и межевых вопросах. Его труд по описанию бессарабских вотчин в комитете посчитали гигантским, его частично опубликовали в «Записках» БСК.

Роман Симфорионович Кохманский так же, как и Егунов, принадлежал к юридическому сообществу, к его наиболее свободной части – к присяжным поверенным. В комитете он вошел в группу историков, которые взяли на себя труд разобрать архивы бессарабских судебных органов. В результате Кохманский принес в комитет толстую рукопись судебных решений по гражданским делам. Егунову пришлось вступить в спор с начальником Центрального статистического комитета, запретившего поначалу публикацию этого материала как не имеющего отношения к статистике. Материал в «Записки» все-таки вошел, на его основе Кохманский потом подготовил книги «Сборник окончательных судебных решений местного бессарабского гражданского права» (Кишинев, 1868) и «Вопросы гражданского права и процесса, разрешенные нашею апелляционною практикою» (Кишинев, 1875).

К группе комитетских историков принадлежал и Константин Васильевич Ханацкий. Он в то время занимал должность редактора неофициальной части «Бессарабских областных ведомостей». Константин Васильевич часто печатался, и не только в родной газете. К сожалению, никто пока не исследовал деятельность этого подвижника, поэтому библиография его печатных работ носит приблизительный характер. Но в комитете его считали самым подготовленным знатоком бессарабской истории. Он регулярно освещал комитетскую жизнь в «Ведомостях». С него, с изданной им в 1861 г. «Памятной книжки Бессарабской области на 1862 год», началось в Бессарабии издание объемных книг гражданского содержания. Такими книгами были «Записки» БСК. Для этого Ханацкому и Егунову пришлось значительно укрепить полиграфическую базу Бессарабского областного правления. Константин Васильевич то ли под влиянием Егунова, то ли по собственным соображениям вскоре покинул Кишинев, чтобы занять место секретаря Таврического статистического комитета.

Справедливости ради надо бы еще вспомнить инспектора врачебной управы Осипа Христофоровича Клепацкого, заместителя председателя БСК Николая Ивановича Лорана, братьев Ивана, Степана и Константина Кристи, не боявшихся высокого напряжения в спорах с губернаторами. Да и самих губернаторов тоже: они же возглавляли БСК. Начиная свою новую жизнь комитет под председательством генерал-лейтенанта Михаила Львовича Фонтон де Веррайона. В конце

1862 г. место председателя перешло к барону Ивану Осиповичу Велю, занимавшему это кресло до августа 1863 г. Его сменил генерал Платон Александрович Антонович, а его, в свою очередь, в декабре 1867 г. – Егор Егорович Гангардт. Это были люди с разным характером, но объединяло их одно: под их руководством комитет работал много и по-деловому, благополучно избегая склоки и праздного словесия.

Комитет оставил о себе память, издав три тома своих «Записок» в 1864, 1867 и 1868 г. Если бы «Записки» выходили и дальше, мы бы сегодня имели бесценный кладезь социально-экономической информации о тех временах. Но четвертый выпуск уже не появился. В 1869 г. БСК резко начал терять высоту. Причиной тому было земство, как раз в этом году начинавшее свою деятельность в Бессарабии. Оно как бы заслонило собой более скромный и по размерам, и по задачам, и по возможностям статистический комитет, втянуло в водовороты своего движения и тех людей, которыми так дорожила местная статистическая служба.

Егунов своему поприщу еще долго оставался верен. О том, когда он оставил его, сведения существуют разные. Одни говорят, что это случилось в 1876 г.¹⁰, другие – в 1878.¹¹ Перед нами № 38 «Бессарабских губернских ведомостей» за 1880 г. с официальным сообщением: «Вследствие просьбы управляющего делами Бессарабского статистического комитета кандидата прав Александра Егунова г. бессарабский губернатор, уволив его 6-го сего мая от этой обязанности, возложил заведывание делами статистического комитета на действительного члена комитета д.с.с. Зозулина, согласно изъявленному им на то согласию». В предыдущем № 31 сообщалось, что «кандидату прав Александру Егунову разрешено ходатайствовать по чужим делам», то есть что он снова возвращался к адвокатуре. Но через некоторое время мы видим его уже в Петербурге на должности чиновника особых поручений в Министерстве государственных имуществ и земледелия. Он по-прежнему неутомим и мобилен. «Им исследована кустарная промышленность Кавказского края, крестьянские хозяйства Пермской и Вятской губерний, маслоделательные артели Тобольской, Владимирской и Вологодской губерний»¹².

Скончался Александр Николаевич Егунов 15 марта 1897 г., на 73-м году жизни.

За полвека своей жизни в статистике Александр Николаевич увидел и услышал немало. Немало над этим размышлял и часто делился своими размышлениями с читателями. Список его научных и публицистических работ велик и недостаточно выстроен. Есть там и о Бессарабии: «Сборник местных в Бессарабии узаконений по предметам гражданского права» (Кишинев, 1869), вышедший вторым изданием

под названием «Местные гражданские законы Бессарабии» (СПб., 1881); «Бессарабская губерния в 1870-1875 гг.: перечень населенных мест» (Кишинев, 1878). С 1873 г. БСК начинает издавать статистический ежегодник «Обзор Бессарабской губернии». Автор там не указан, но за каждым выпуском по 1880 г. стоит Александр Николаевич. В трехтомнике «Записки Бессарабского статистического комитета», коллективном труде кишиневских интеллектуалов, он как автор явно превалирует. С особым интересом читаются написанные Егуновым протоколы заседаний статистического комитета, подробное и поучительное повествование о золотом веке БСК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Молдовы (НАРМ). Ф. 88. Оп. 1. Д. 1274. Лл. 2-2 об.
2. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 1. Т. X. СПб., 1835. № 8411.
3. *Герцен А.И.* Былое и думы, М., 1987. С. 183.
4. НАРМ. Ф.151. Оп.1. Д.1. Л.133 об.-134.
5. Там же. Л. 134 об.
6. Там же.
7. Там же.
8. НАРМ. Ф. 151. Оп.1. Д. 3. Л. 104-105.
9. Там же. Л.17-18 об.
10. Исторический вестник. 1897. № 5. С. 663.
11. *Чебан А.Т.* Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX- начало XX века. Кишинев, 1980. С. 21.
12. Исторический вестник. 1897. № 5. С. 663.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Егунов А.Н. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 22. С. 547.
Егунов А.Н. Некролог. Исторический вестник. 1897, № 5. С. 663.
Чебан А.Т. Политико-правовая мысль Молдавии второй половины XIX- начало XX в. Кишинев, 1980.
Записки Бессарабского статистического комитета. Т. 1. Кишинев, 1864; Т. 2, Кишинев, 1867; Т. 3. Кишинев, 1868.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- НАРМ. Фонд Бессарабского статистического комитета. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1, 3.
НАРМ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 1274. Переписка с Московским главным архивом, бессарабским губернатором об освобождении стипендиата бессарабского дворянства А. Егунова от службы в Бессарабии.